<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.2>

Бирюкова Анна Борисовна

СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ (КОНЕЦ XVIII - СЕРЕДИНА XIX В.)

Статья посвящена анализу изменений в структуре правоохранительных органов городов Симбирской, Саратовской, Пензенской, Самарской губерний (с 1851 г.), произошедших с 1770-х по 1850-е годы. Целью является изучение состава и механизмов взаимодействия органов охраны правопорядка в городах Среднего Поволжья и Заволжья. На протяжении "долгого XVIII века" велась работа по регламентации их деятельности, сепарации гражданской полиции от военных правоохранительных органов. Вместе с тем особенности исторического развития городов региона - "внутренней окраины" Империи, - а также социальная обстановка на местах не позволили полностью отказаться от военных формирований в городах, представленных войсками внутренней стражи, а в ряде городов - казачьими подразделениями. Кроме того, общественный порядок в губернских городах поддерживали не только городские полиции, но и жандармские команды. Несмотря на некоторые успехи по упорядочиванию правоохранительных структур на местах, на протяжении всего изучаемого периода актуальной оставалась проблема кадрового обеспечения правоохранительной сферы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/4/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(90) С. 11-17. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 14.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.2>

Статья посвящена анализу изменений в структуре правоохранительных органов городов Симбирской, Саратовской, Пензенской, Самарской губерний (с 1851 г.), произошедших с 1770-х по 1850-е годы. Целью является изучение состава и механизмов взаимодействия органов охраны правопорядка в городах Среднего Поволжья и Заволжья. На протяжении «долгого XVIII века» велась работа по регламентации их деятельности, сепарации гражданской полиции от военных правоохранительных органов. Вместе с тем особенности исторического развития городов региона – «внутренней окраины» Империи, – а также социальная обстановка на местах не позволили полностью отказаться от военных формирований в городах, представленных войсками внутренней стражи, а в ряде городов – казачьими подразделениями. Кроме того, общественный порядок в губернских городах поддерживали не только городские полиция, но и жандармские команды. Несмотря на некоторые успехи по упорядочиванию правоохранительных структур на местах, на протяжении всего изучаемого периода актуальной оставалась проблема кадрового обеспечения правоохранительной сферы.

Ключевые слова и фразы: провинциальные города; городская полиция; городничие; жандармы; гардкоуты; охрана общественного порядка; дореформенная эпоха; Среднее Поволжье и Заволжье.

Бирюкова Анна Борисовна, к.и.н., доцент

Самарский государственный технический университет

annabir@mail.ru

СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX В.)

Реформирование городской провинции, начавшееся в годы правления «матушки» Екатерины и продолженное ее внуками Александром I и Николаем I, носило полномасштабный характер. Конструирование принципиально нового социокультурного пространства провинциального города сопровождалось не только нововведениями в сословной, административно-управленческой, социальной и культурной сферах, но и предполагало формирование новых органов охраны правопорядка.

В новейшей отечественной историографии можно наблюдать устойчивый интерес к самым разнообразным аспектам жизни дореформенной городской провинции, в частности – к изучению проблемы обеспечения общественной безопасности. В новейшей отечественной историографии появились исследования, посвященные деятельности правоохранительных органов как в масштабах Империи [22; 40; 50; 55], так и отражающие специфику обозначенной проблематики на материалах отдельных регионов, в том числе Среднего Поволжья [1; 16; 17; 45].

Вместе с тем функционирование органов правопорядка в городах «внутренней окраины» России – Саратовской, Пензенской, Симбирской и Самарской губерний – изучено весьма фрагментарно. Городские центры Среднего Поволжья и Заволжья, связанные экономическими и социокультурными контактами, находились примерно в равной удаленности от столиц и приграничных районов империи [16, с. 45], имели общие черты в структуре властных органов, кроме того, местные градоначальники периодически меняли места службы, перемещаясь в соседние города на аналогичные должности. Таким образом, обладая заметным своеобразием, города региона ощутили на себе все реформаторские устремления центральной власти, в том числе в области переустройства правоохранительной системы.

Структура органов охраны общественного порядка в провинциальных городах в последней четверти XVIII века была крайне аморфна и требовала четкого законодательного оформления и планомерной работы на местах с кадровым составом. Независимо друг от друга здесь существовали «гражданские» и «военные» органы охраны правопорядка.

С 1760-х годов в городах функционировали штатные команды, которые должны были поддерживать общественный порядок и в городе, и уезде. В 1763 году штатных команд в городах Империи насчитывалось 165, в 1800 г. – 380 [51, с. 104]. Губернским властям подчинялись гарнизонные батальоны, которые включали в себя губернскую гарнизонную роту, располагавшуюся в губернском центре, и штатные команды, находившиеся в уездных городах. В 1764 г. были учреждены гарнизонные батальоны со штатом в 775 военнослужащих в Саратове и Царицыне. С 1771 г. в Царицыне находилось два батальона [44, с. 15]. Эти подразделения играли роль основной военной силы, поддерживающей власть на местах.

Согласно «Учреждению об управлении губерниями» 1775 г., штатная команда возглавлялась комендантом, а в уездных городах вводилась должность городничего, которому вменялось в обязанность «за исправным состоянием той штатной команды прилежное смотрение иметь» [55, с. 256]. По данным 1799 г., только в двух городах Симбирской губернии – в Симбирске и Ставрополе – была штатная должность коменданта [13, д. 459, л. 2 об., 6 – 7 об., 24].

Расплывчатость формулировок законодательства, отсутствие четкого разграничения полномочий губернатора и коменданта приводили к тому, что некоторые начальники губерний трактовали букву закона в свою пользу, считая себя вправе вмешиваться в дела военных и использовать для своих нужд солдат штатных рот. В частности, это породило конфликт между симбирским губернатором Матвеем Кроминым и комендантом Симбирска В. фон Гессеном. Губернатор задействовал солдат штатной роты для охраны занимаемой

им квартиры, отведенной «по неимению губернаторского дома». При этом М. Кромин поступил «по примеру прочих гражданских губернаторов лично виденным им, как-то в Киеве, Новороссийске, Харькове, Курске, Воронеже и Саратове» [Цит. по: 10, с. 18]. В. фон Гессен был крайне возмущен ущемлением своих полномочий, подал на Кромину рапорт, что привело к отставке последнего и опубликованию указа Павла I «О том, чтоб начальствующие в губерниях не выходили за пределы должности своей» [29, с. 795].

Огромный охват территории, которую должны были контролировать штатные команды, не позволял им эффективно заботиться об охране и уездов, и городов [51, с. 108]. Следствием чего стало формирование самостоятельной городской полиции, функции и структуру которой определял «Устав благочиния или полицейский» 1782 года [54]. При этом параллельно с полицейскими органами в городах продолжали существовать штатные команды, по-прежнему подчинявшиеся частично комендантам, а частично – городничим. Лишь в 1811 г., с созданием войск внутренней стражи (в их состав вошли гарнизонные батальоны и команды служащих инвалидов), был завершен процесс формирования независимых друг от друга полицейских и военных структур, а штатные команды были выведены из подчинения градоначальников [25, с. 516].

Реформа 1811 г. далеко неоднозначно была воспринята на местах. И. А. Второв – городничий Самары в 1812-1814 гг. – столкнулся с многочисленными трудностями в реализации своих должностных обязанностей из-за отсутствия организованных кадров. Если до реформы в подчинении городничего была инвалидная команда, то теперь «квартирного надзирателя не было, а десятских, человек восемь из стариков или мальчиков, по очереди присылала городская дума...» [Цит. по: 14, с. 497]. Таким образом, деятельность местной полиции была фактически парализована.

Следующий этап реформирования охранных структур в городах региона охватывает первую четверть XIX века. В 1803 году был издан указ «О средствах к исправлению полиции в городах» [26], который наряду с «Уставом благочиния» был призван унифицировать полицейские органы на местах. На региональном уровне происходило постепенное вытеснение из структуры городской полиции военно-полицейских должностей и их замена «гражданскими» аналогами. Так, если в 1799 г. Симбирске и Ставрополе предусматривалось существование комендантов [13, д. 459, л. 19], то по штатам 1807 г. в Симбирске полицию возглавлял полицмейстер [8, с. 99; 37, с. 1026-1027]. При этом четко разграничивалась компетенция полицмейстеров и комендантов. Последние отвечали за военную полицию и не имели права вмешиваться в дела полицмейстеров [26, с. 948].

Должность городничего как главы городской полиции была введена еще в 1775 году: «В каждом уезде городе, где нет коменданта, определяется городничий» [55, с. 256]. Согласно «Уставу благочиния», городничий назначался Сенатом через посредничество Губернского правления, которое, по сути, являлось высшим полицейским органом губернии. По указу 1803 г., в крупных торговых городах вместо должности городничего вводился пост полицмейстера, на который назначение производил Сенат через посредничество созданного в 1802 г. министерства внутренних дел и с согласия губернатора. Таким образом, на местах выстраивалась вертикальная система управления, где губернатору отводилась роль связующего звена «между региональными и центральными органами исполнительной власти» [16, с. 50].

Следующими по рангу полицейскими служителями стояли приставы гражданских и уголовных дел, назначавшиеся при содействии городничего губернским правлением из частных приставов, которым, в свою очередь, подчинялись квартальные надзиратели. Последние начальствовали над сторожами и квартальными поручиками, которые выбирались из жителей квартала на три года. В управу благочиния должны были входить также два ратмана из городского магистрата – общественные контролеры, выбираемые жителями для надзора за действиями полиции [13, д. 459, л. 19 об.].

Количество частных приставов определялось числом полицейских частей города (200-700 дворов), которые, в свою очередь, делились на участки (50-100 дворов) [54, с. 469]. В начале XIX века только три из десяти городов Симбирской губернии были разделены на части: в Симбирске их было 3, в Сызрани и Саранске – 2. Пенза делилась на 2 части (в дальнейшем – три), Саратов – на 4 части [4, с. 82; 13, д. 459, л. 6 – 7 об.].

С конца XVIII века в городах средневожских губерний началась работа по формированию штатов полиций. В 1798 г. был утвержден штат Саратова, в 1799 г. – штаты для городов Симбирской губернии [13, д. 459, л. 19; 52, с. 66]. Обустройство «соразмерной» полицейской части признавалось необходимым во всех губернских центрах и ряде уездных средневожских городов, однако их доходы не позволяли выполнить задачу в полном объеме. Для разработки штатов в министерстве внутренних дел, а затем в министерстве полиции (существовало с 1811 по 1819 гг.) создавались специальные комиссии, которые старались учитывать специфику каждого города.

С 1803 по 1825 гг. были изданы полицейские штаты почти для 90 городов, включая Пензу (1805 г.), посад Дубовка (1815 г.), а также обновленные штаты Симбирска (1807 г.), Саратова (1810 г.) и Саранска (1807 г.) [7, с. 1189; 8, с. 99; 37; 39]. Наиболее обширным в 1800-х годах был штат полиции Саратова, состоявший из 1 полицмейстера, 3 частных приставов, 6 квартальных надзирателей и 60 десятских. К 1810 году он насчитывал уже 12 квартальных надзирателей и 80 нижних чинов [52, с. 66].

Отсутствие утвержденных штатов сдерживало процесс профессионализации полиции. В конце XVIII – первой четверти XIX в. большинство полицейских служителей в уездных городах региона избирались жителями из своей среды либо нанимались горожанами за деньги. Примером может служить Вольск, где городская дума с 1790-х годов «вместо найма, обыкновенно набирала на один год из среды мещан несколько человек (до 8-ми) для отправления обязанностей полицейских и эта служба считалась самой тяжелой...» [5, с. 59]. В тех городах, где были слободы, частично полицейские служители «поставлялись» от мещанского сословия, частично – от слободских жителей [21, с. 223].

Кроме того, городское общество нанимало на три года пожарных караульщиков, будошников, десятников, лесных надзирателей, базарных смотрителей, ценовщиков, браковщиков товаров. Участие горожан в охране правопорядка особенно активно проявлялось в крупных торговых городах. Так, в Самаре в начале 1850-х годов были созданы Торговые депутации, призванные следить за соблюдением правил торговли и промыслов [58, д. 15, л. 3 – 4 об.]. Повсеместно выборные следили за вырубкой леса, содержанием выгонов и выпасом общественных табунов. При этом нередко были случаи, когда сами лесные караульщики подвергались взысканию «за нерадение по должности» [11, д. 113, л. 10; 12, д. 37, л. 1, д. 213, л. 1-42].

По многим статьям функции городских дум и городских полиций дублировали друг друга, в частности в вопросах надзора за торговлей и благоустройством. Саранский исследователь С. В. Першин пришел к выводу, что к середине XIX в. данное обстоятельство привело к диктату в небольших городах городничих над выборными [42, с. 45]. В то же время в крупных торговых центрах начальники полиции получали действенный отпор со стороны местного купечества. Так, в конце XVIII века разгорелось серьезное противостояние между сызранским городничим майором Панфилом Ахматовым и городским головой купцом Петром Веденисовым. Поводом стало превышение городничим своей власти в вопросе предоставления разрешения на строительство, которое он осуществлял без согласия городской думы. Победа осталась за сызранским купечеством: «Веденисов умело смог выставить майора Ахматова, как человека совершенно недееспособного, при котором начался разгул преступности» [15].

В круг обязанностей полицейских входила не только борьба с преступностью, но и надзор за застройкой, противопожарной и санитарной безопасностью города. В этой связи необходимо упомянуть, что в современной криминологии существует «архитектурное» направление, которое признает своевременную очистку городского пространства от «зон страха» и «риска» – темных изогнутых улиц, пустырей, создающих неблагоприятные условия для совершения преступлений, – весьма эффективным методом их профилактики [56, с. 215]. Надзор полиции за благоустройством городов признавался законодателем одним из условий профилактики преступлений, что нашло отражение в Строительном уставе 1862 г.: «...чистота и опрятность города имеют постоянно действующее влияние на нравственность жителей, приучая их к порядку. Это один из тех способов, где посредством улучшения ежедневной внешней обстановки, незаметным образом достигается нравственное улучшение» [Цит. по: Там же, с. 216].

Содержание полиции съедало от 30 до 60% городского бюджета. Так, из бюджета Самары 1850 г. на выше перечисленные нужны, а также содержание команды казаков выделялось 63,33% [1, с. 5; 4, с. 299]. Финансирование полицейских команд осуществлялось из средств городских бюджетов, наполнявшихся главным образом за счет сборов с горожан. Кроме того, недостаток денег на экстренные нужды также покрывался за счет сборов с обывателей. Данная тенденция обнаруживает себя уже в конце XVIII века [13, д. 459, л. 23]. В Пензе введение сбора на полицию в начале XIX века вызвало массовый отказ платежей со стороны слободских жителей и дворян-домовладельцев, оправдывавших свои действия тем, что городская дума вместо работы над оптимизацией оброчных статей городского бюджета переложила содержание полиции на плечи горожан [57, с. 20-21]. В конечном итоге подобные сборы стали общей практикой и заменили собой полицейскую службу «натурой» на денежный эквивалент [3, с. 438].

Третий этап развития органов охраны правопорядка в городах охватывает 1830-1850-е годы и проходит на фоне активных административно-территориальных изменений, затронувших Среднее Поволжье и Заповолжье. В 1836 году в Саратовской губернии были созданы три новых уезда во главе с городами Николаевском, Новоузенском и Царевым, два из которых позднее вошли в состав Самарской губернии (1851 г.), включившей также Ставрополь, Бугульму, Бугуруслан, Бузулук, заштатный Сергиевск. Царев был включен в состав Астраханской губернии [34, с. 279].

Во многих городах региона произошло обновление штатов полиции либо усиление существующих команд за счет введения новых должностей – помощников городничих (например, в городах Пензенской губернии (1840 г.) – Краснослободске, Нижнем Ломове, Чембаре, Городище и Керенске) и младшего полицмейстера (Саратов, 1843 г.) [35, с. 605; 52, с. 67]. В 1841 г. был утвержден штат самарской полиции, состоявший из 78 человек во главе с полицмейстером [9, с. 186], в 1843 г. – сызранской в составе 56 человек во главе с городничим [32, с. 256]. В структуре саратовской полиции изменения произошли в 1839 и 1843 годах. В 1840-е годы здесь было 183 полицейских, 4 пристава и один младший полицмейстер [52, с. 67].

Увеличение числа полицейских в центрах развитой хлебной торговли было связано с ростом населения, сезонной миграцией, а также с интенсификацией социально-экономической жизни, которая повлекла за собой скачок преступности и социальных девиаций. Необходимо добавить, что торговые волжские города являлись также центрами притяжения старообрядцев и сектантов, в том числе молокан, считавшихся властями одной из самых опасных сект [46, д. 7, л. 16 – 16 об.].

Учитывая тот факт, что большинство полицейских команд были непрофессиональными, а усложнение социально-экономических процессов в регионе требовало усиления контроля над населением, встал вопрос о кадровом составе полицейских и пожарных команд. Во вновь образованных городах Новоузенске, Николаевске и Цареве (1836 г.) эту проблему попытались урегулировать за счет перехода солдат из войск внутренней стражи. Впрочем, проблема была разрешена не сразу, а только после согласования позиций гражданского и военного ведомств в комитете министров [30]. Несмотря на продолжающееся увеличение штатов полицейских команд (к примеру, в Самаре обновленный штат был утвержден в 1857 г. [33, с. 36]), проблема с кадровым составом городской полиции так и не была разрешена.

В Оренбургской губернии, в том числе в городах, вошедших позднее в Самарскую губернию – Бугуруслане, Бузулуке, Бугульме, – городнические правления с 1844 года укомплектовывались 2 урядниками

и 3 казаками [50, с. 49]. Казаки привлекались к охране общественного порядка и в других городах региона. В частности, в 1840-е годы казачьи команды «для усиления полицейского надзора» и поиска беглых снаряжались в Саратове, Самаре, посаде Дубовка (ранее – в Камышине и Царицыне) [23; 44, с. 15; 48, д. 78, л. 74 об.]. В Самаре отряд оренбургских казаков численностью 15 человек функционировал с 1847 г., в середине 1850-х гг. его численность возросла до 40 человек [23; 24].

Казачьи подразделения участвовали также в охране волжского торгового пути. В 1797 году на Волге были созданы казачьи посты, укомплектованные пятьюстами уральскими казаками. Они, наряду с гардкоутами – мобильными речными отрядами на легких речных судах, оснащенные фальконетами и пушками, боролись с речными пиратами. В 1841 году казачьи посты были ликвидированы, а гардкоуты, введенные еще при Павле I (1797 г.), существовали до 1857 года [45, с. 25, 30].

Нерегулярный характер полицейских команд, низкий уровень профессионализма нижних чинов привели к очередной попытке реформирования городской полиции (1853 г.) [36]. Все вольнонаёмные полицейские заменялись нижними чинами, которые служили в гарнизонных батальонах. Штаты полицейских команд комплектовались из расчета на 2000 жителей – 5 полицейских, на 5000 горожан – 10 во главе с унтер-офицером. Содержались команды по-прежнему за счет городских доходов. Однако кадры, присылавшиеся в полицию из войск внутренней стражи, выбирались по остаточному принципу, что, в конечном итоге, заставило вернуться в 1858 г. к вольному найму полицейских служителей [50, с. 49-50].

Рассматривая структуру органов охраны общественного порядка, невозможно не упомянуть еще об одном важном элементе – жандармских командах. Первоначально они являлись компонентом внутренних войск и функционировали в Пензе, Симбирске, Саратове (1817 г.) [38]. Во второй четверти XIX века, после создания корпуса жандармов, эти команды были преобразованы в исполнительные органы политической полиции (1827 г.). Первоначально все средневожские губернии вошли в пятый жандармский округ, в дальнейшем – в шестой [6; 40]. Численность губернских жандармских команд была невелика – чуть более 30 человек [16, с. 48; 31], а их полномочия были весьма обширны: надзор за ссыльными [4, с. 82; 53, с. 155-156], иностранцами, ведение дел о фальшивомонетчиках, контрабандистах, подделке документов, расследование должностных преступлений, пресечение неповиновения властям. Особо им вменялось сохранение порядка в местах стечения народа, например, во время крупных ярмарок, массовых увеселительных мероприятий [6, с. 777]. Основной заботой жандармов в Среднем Поволжье и Заволжье был контроль над раскольниками и сектантами.

Повышение административного статуса города до уровня губернского центра предполагало создание в нем жандармской команды и появление здесь жандармского штаб-офицера. Так, жандармская команда Самары была создана по указу от 28 октября 1850 года [28; 31]. При этом функции жандармов перекрещивались с обязанностями и городской полиции, и губернаторов [16, с. 46]. Обо всех происшествиях городничие и полицмейстеры, равно как и земские исправники, отчитывались перед губернаторами. При этом жандармским штаб-офицерам «отводилась роль “негласных наблюдателей”, а на деле они получали право вмешиваться в дела губернаторов» [2, с. 84]. Это приводило лишь к укреплению военно-полицейской системы на местах, но не решало многих вопросов охраны общественного порядка.

Многочисленные злоупотребления не только градоначальников, но и низших полицейских служителей актуализировали вопрос о надзоре за действиями полиции, который осуществлялся губернаторами, сенаторами, губернскими прокурорами и жандармскими штаб-офицерами. Губернские прокуроры обязаны были еженедельно посещать тюремные замки и освидетельствовать положение арестантов, присутствовать при продаже недвижимости с публичных торгов, рассматривать жалобы и доносы, а также расследовать злоупотребления должностных лиц, в том числе и городничих. Однако прокурорский надзор лишь выявлял злоупотребления, отсутствие действенной системы наказаний чиновников по итогам проверок сводило все усилия контролеров на нет [5, с. 57-59; 20, с. 58; 43, с. 61-65, 133].

В ряде современных исследований сенаторские ревизии представлены как довольно действенный инструмент контроля над деятельностью местной власти [18, с. 161; 49, с. 51]. Вместе с тем далеко не всегда имеющиеся источники позволяют однозначно оценить эффективность работы проверяющих. Так, Симбирскую губернию в 1835 г. с ревизией посетил гофмейстер Лев Алексеевич Перовский. Наделенный полномочиями сенатора, он обревизовал присутственные места и городские полиции, выявил многочисленные злоупотребления. Курмышский городничий Н. З. Софонов показался ревизору «слишком недействительным», буинский градоначальник с говорящей фамилией Непейпива, «будучи нетрезвого поведения», шесть месяцев не появлялся на службе, но самым вопиющим было поведение самарского городничего П. Д. Сеченова – взяточника и коррупционера, который открыто признавался, что стремится заработать 50 тыс. рублей и сгинуть из города. Непейпива и Сеченов были отстранены от должности, а о деятельности второго началось «формальное исследование» [1, с. 5; 10, с. 68].

Комплекс источников дает не вполне ясную картину, насколько ревизия Л. Ф. Перовского оказалась удачной. В частности, 1840 г. председатель Симбирской уголовной палаты Соболев констатировал, что особенно сложная обстановка сложилась в двух городах губернии – Самаре и Сызрани, «где совершаются убийства, грабежи, пожары и прочие злодеяния от беспечности полиции» [Цит. по: 10, с. 81]. Стоит согласиться с мнением пензенского историка Н. А. Кондаловой о том, что административный надзор позволял оптимизировать деятельность правоохранительного аппарата, однако «отсутствие действенной системы наказаний чиновников по итогам надзора являлось фактором, перманентно препятствующим эффективному обеспечению правопорядка» [17, с. 17].

Изменение структуры городских органов охраны общественного порядка в конце XVIII – начале XIX в. отражало утрату регионом военно-пограничного значения. Военизированный характер городских полицейских учреждений оставался характерной чертой всего изучаемого периода. Однако формирование в 1811 г.

самостоятельной структуры – войск внутренней стражи – разграничило функции войсковых подразделений и городской полиции. В отличие от городов соседнего уральского региона и Сибири, в которых огромную роль в поддержании правопорядка продолжали играть казачьи команды, а кадровый состав полиции пополнялся выходцами из казачьего сословия [19, с. 22, 23], лишь в нескольких средневожских городах имелись казачьи отряды.

Помимо полицейских команд, которые, собственно говоря, составляли городскую полицию, во второй четверти XIX века на местах были созданы жандармские команды, за безопасность передвижения по Волге отвечали гардкоутные экипажи. Таким образом, в годы правления Александра I и Николая I значительное число актеров, сохранявших относительную автономность, было привлечено к охране городского правопорядка. При этом государство проводило планомерную политику по выстраиванию «административной вертикали» [16, с. 50].

Формирование регулярной профессиональной полиции протекало неравномерно, со значительными нарушениями со стороны полицейских служителей всех рангов. Несмотря на все законодательные инициативы по созданию регулярной городской полиции, в большинстве средневожских городов квалификация полицейских и пожарных была крайне низкой. Дублирование в разных органах и структурах власти одних задач, нечеткость законодательных формулировок приводили к тому, что не только в центре, но и на местах не удавалось создать четко отлаженную систему функционирования полицейских органов. Надзор со стороны полиции за хозяйственной частью городов не только сталкивал ее с выборными органами власти, но и мешал выполнению непосредственных задач по борьбе с преступностью.

Отсутствие достаточного числа врачей в провинции, способных контролировать санитарно-эпидемиологическую обстановку, заставляло власть переложить и эти обязанности на плечи стражей правопорядка. Кроме того, на протяжении всего изучаемого периода пожароохранительные мероприятия также являлись неотъемлемой частью повседневных забот городских полицейских. Полифункциональный характер деятельности городской полиции, многочисленные и разношерстные задачи, стоявшие перед ней, требовали совершенно иного системного подхода, как в организационно-правовой, так и кадровой сферах. Эта проблема осознавалась властью, но принципиального ее решения на протяжении всего дореформенного периода так и не было найдено. Новые социально-экономические реалии, проявившиеся в том числе в усилении урбанистических тенденций, привели к кардинальной перестройке правоохранительных органов на местах, что реализовалось в реформе полиции 1862 года.

Список источников

1. Артамонова Л. М. Административные и полицейские органы Самары в первой половине XIX в. // Самарский земский сборник. 1996. Вып. 4. С. 3-6.
2. Бикташева А. Н. Казанские губернаторы в донесениях жандармских штаб-офицеров 1826-1832 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 1. С. 83-91.
3. Бирюкова А. Б. Подати и повинности городского населения Поволжья в первой половине XIX века // Российская государственность: от истоков до современности: сборник статей Международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности (г. Самара, 13-15 сентября 2012 г.). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. С. 435-440.
4. Бирюкова А. Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самарский государственный технический ун-т, 2009. 324 с.
5. Владимиров М. М. Первое столетие Вольска // Саратовский сборник. Саратов, 1881. Т. 1. Отд. 1. С. 17-64.
6. Высочайше утвержденное положение о корпусе жандармов: от 1 июля 1836 г. № 9355 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Собрание II. Т. XI. Ч. I. С. 772-782.
7. Высочайше утвержденные штаты полиций Пензенской и Курской: от 29 августа 1805 г. № 21885 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXVIII. Книга штатов.
8. Высочайше утвержденный штат полиции города Владимира, с присовокуплением предыдущих штатов полиции в нижеозначенных городах: от 30 апреля 1808 г. № 22992 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. II. С. 98-102.
9. Высочайше утвержденный штат Самарской городской полиции: от 16 октября 1841 г. № 14938 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Собрание II. Т. XVI. Ч. II. Штаты и таблицы. С. 186-188.
10. Горбунов К. Е., Сивопляс И. Э., Шабалкин А. Ю. Симбирские гражданские губернаторы: материалы к историко-биографическим очеркам. Ульяновск: ИПКПРО, 2003. 192 с.
11. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 23. Оп. 1.
12. ГАПО. Ф. 132. Оп. 2.
13. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 732. Оп. 2.
14. Де-Пуле М. Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский Вестник. 1875. Т. 117. № 6. С. 463-524.
15. Зацаринный С. Г. Сызранцы галантного века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.syzranhistory.ru/put/book28.htm> (дата обращения: 02.04.2018).
16. Кондалова Н. А. Законодательное оформление системы внутренней безопасности и общественного порядка Российской провинции в первой половине XIX в. (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 1. С. 45-52.
17. Кондалова Н. А. Обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в Российской провинции в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии): автореф. дисс. ... к.и.н. Самара, 2015. 22 с.
18. Кондалова Н. А. Сенаторские ревизии в механизме обеспечения государственной безопасности и общественного порядка в Пензенской губернии в первой половине XIX века // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 1 (28). С. 156-162.
19. Коновалов И. А. Организационно-правовое развитие полиции в Сибири в первой половине XIX в. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 4 (29). С. 19-25.
20. Логачева Н. В. Деятельность прокурорского надзора в России во второй половине XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 5 (85). С. 57-62.

21. Минх А. Н. Описание архива упраздненной Аткарской градской думы (1782-1850 гг.) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1888. Т. I. С. 223-252.
22. Моисеев И. А. Становление и развитие полиции России: основные этапы [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-i-razvitie-politsii-rossii-osnovnyye-etapy> (дата обращения: 05.04.2018).
23. О командировании Симбирской губернии в город Самару из Оренбургского войска казаков для усиления там полицейского надзора: Именной, объявленный военным министром указ от 3 мая 1847 г. № 21168 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. Собрание II. Т. XXII. Ч. I.
24. О назначении в г. Самару для усиления полицейского надзора еще десяти казаков из Оренбургского казачьего войска: Высочайше утвержденное положение Военного совета, объявленное Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору военным министром от 27 января 1856 г. № 30106 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Собрание II. Т. XXXI. Ч. I.
25. О передаче губернских рот и штатных команд из гражданского в военное ведомство: Именной, данный Сенату указ от 16 января 1811 г. № 24486 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXI.
26. О средствах к исправлению полиции в городах: Именной, данный Сенату указ от 24 октября 1803 г. № 21007 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. С. 947-954.
27. О сформировании в г. Самара гарнизонного батальона: Именной, объявленный в приказ Военного министра указ от 27 сентября 1851 г. № 25586 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852. Собрание II. Т. XXVI.
28. О сформировании для губернского города Самары инвалидной роты, управления жандармского штаб-офицера и жандармской команды: Именной, объявленный в приказ военного министра, указ от 28 октября 1850 г. № 24582 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Собрание II. Т. XV. Ч. II. С. 39-40.
29. О том, чтоб Начальствующие в губерниях не выходили из пределов должности своей: Именной, данный Сенату указ от 21 сентября 1799 г. № 19126 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXV.
30. О числе людей, потребных в полицейские и пожарные команды трех новых городов Саратовской губернии: Высочайше утвержденное положение комитета министров от 13 октября 1836 г. № 9599 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1837. Собрание II. Т. XI. Ч. II. С. 83-84.
31. О числе чинов в Самарской жандармской команде: Именной указ от 26 сентября 1851 г. № 25588 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852. Собрание II. Т. XXVI. Ч. I.
32. О штате сызранской городской полиции: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 1 июня 1843 г. № 16908 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1844. Собрание II. Т. XVIII. С. 256-257.
33. Об издании нового штата для Самарской городской полиции: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Сенату министром внутренних дел от 8 января 1857 г. № 31375 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. Собрание II. Т. XXXII. Ч. I.
34. Об образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии: Именной, данный Сенату указ от 6 декабря 1850 г. № 24708 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Собрание II. Т. XXV.
35. Об определении в некоторые города Пензенской губернии по одному помощнику городничего: Высочайше утвержденное положение комитета министров, объявленное управляющим внутренних дел от 17 сентября 1840 г. № 13797 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. Собрание II. Т. XV. Ч. I.
36. Об устройстве в городах полицейских команд: Высочайше утвержденное положение комитета министров от 23 июня 1853 г. № 27372 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. Собрание II. Т. XXVIII. Ч. I. С. 313-314.
37. Об устройстве в Симбирске городских доходов, расходов и повинностей с приложением штата полиции города Симбирска: от 26 февраля 1807 г. № 22469 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXIX. С. 1026-1028.
38. Об учреждении жандармских команд в городах Георгиевске и Саратове: Высочайшее повеление, объявленное начальником Главного штаба от 31 июля 1817 г. № 461 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXIV. С. 461-462.
39. Об учреждении по представлению саратовского гражданского губернатора в посаде Дубовке полиции на счет доходов того посада: Именной, объявленный главнокомандующим в Санкт-Петербурге указ от 23 апреля 1815 г. № 25828 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXIII.
40. Об учреждении пяти округов Жандармского корпуса: Именной, данный управляющему главного штаба указ от 28 апреля 1827 г. № 1062 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. II. С. 396-397.
41. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк / под ред. А. Г. Горлова. М.: Объед. ред. МВД России, 1996. 462 с.
42. Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века: по материалам дворянских и городских обществ средневожских губерний: автореф. дисс. ... д.и.н. Саранск, 2010. 50 с.
43. Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века: по материалам дворянских и городских обществ средневожских губерний: монография. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2010. 316 с.
44. Плешаков И. Н. Воинские части и учреждения в Российской провинции во второй половине XVIII – начале XIX века (по материалам Саратовского Поволжья): автореф. дисс. ... к.и.н. Саратов, 2009. 24 с.
45. Плешаков И. Н. Гардкоуты в Саратовском Поволжье: из истории речной стражи XVIII – первой половины XIX в. [Электронный ресурс] // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 23-31. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Plechakov_00.pdf (дата обращения: 04.04.2018).
46. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 5.
47. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1.

48. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39.
49. Семенова Н. Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842-1843 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4 (123). С. 46-51.
50. Сичинский Е. П. Субъективные последствия организационно-правовых основ комплектования полицейских команд в дореволюционной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 49-54.
51. Сморгун В. В. Штатная команда города Усть-Сысольска в 80-90-е годы XVIII века // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Вып. 4 (16). С. 103-109.
52. Соколов И. А. Исторический обзор преобразований саратовской полиции // Саратовский сборник. Саратов: Тип. губернского правления, 1881. Т. 1. С. 66-68.
53. Стогов Э. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003. 240 с.
54. Устав благочиния или полицейский: от 8 апреля 1782 г. № 15379 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXI. С. 461-488.
55. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая: Высочайше утвержденное положение от 7 ноября 1775 г. № 14392 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XX. С. 229-304.
56. Ушанов А. В. Полицейский надзор за исполнением градостроительного законодательства Российской империи как фактор предупреждения правонарушений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 1. С. 215-218.
57. Хохряков В. А. Материалы к истории г. Пензы (из дел архива Пензенской городской думы с 1786 по 1820-е гг.) // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1894. Т. IV. Вып. III. С. 3-76.
58. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 6.

**STRUCTURE AND FUNCTIONING OF PUBLIC ORDER ENFORCEMENT BODIES
IN TOWNS OF THE MIDDLE VOLGA AND TRANS-VOLGA REGION
(THE END OF THE XVIII – THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY)**

Biryukova Anna Borisovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Samara State Technical University
annabir@mail.ru

The article analyzes changes in the structure of the law enforcement bodies of the towns of Simbirsk, Saratov, Penza, Samara (from 1851) provinces that occurred during the 1770-1850s. The author aims to examine the structure and mechanisms of interaction of public order enforcement bodies in the towns of the Middle Volga and Trans-Volga region. Over the “long XVIII century” there were attempts to regulate their activity, to separate civil police from military law enforcement bodies. At the same time the peculiarities of historical development of regional towns – “internal outskirts of the Empire” – and social situation in the provinces did not allow the authorities to completely abandon municipal military units represented by Internal Guard, and in some towns – by Cossack divisions. Moreover, public order in the provincial towns was maintained not only by the urban police but also by gendarme squads. Regardless of certain achievements in the arrangement of law enforcement structures in the provinces, the problem of staffing the law enforcement sphere remained relevant during the whole period.

Key words and phrases: provincial towns; urban police; town governor; gendarmes; guard coats; public order enforcement; pre-reform epoch; the Middle Volga and Trans-Volga region.

УДК 93/94+323.4

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.3>

В статье рассматриваются вопросы формирования подпольных антисоветских групп в Сибири и на Дальнем Востоке страны в годы Гражданской войны в России. На основе историографического анализа, архивных источников, опубликованных документов и материалов, воспоминаний участников событий проводится анализ процесса формирования подпольных групп, описываются их состав и структура, политическая направленность и целевые установки. В основе создания подпольных антисоветских групп лежали идеи противодействия формировавшейся на местах Советской власти. В составе групп были сторонники идей правой социал-демократии, монархизма, конституционной демократии.

Ключевые слова и фразы: подпольные антисоветские группы; офицерский состав; антисоветские отряды; боевые группы; эсеры; кадеты; монархисты.

Бучко Николай Петрович, к.и.н., доцент
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
bucko65@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОДПОЛЬНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ГРУПП
НА ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ 1917 – 1918 Г. КАК ПРОЦЕДУРА
ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ**

Октябрьские события 1917 г. коренным образом изменили политическую картину в России. В ней появилась политическая сила, которая заявила о своих властных амбициях, что не нашло в российском обществе единодушной поддержки.